

ДОРОГА В ТРИДЕСЯТОЕ ЦАРСТВО

Славянские
архетипы
в мифах
и сказках

Александра Сергеева

СОСНА

Александра Сергеева
Дорога в Тридешатое царство

«София Медиа»

2016

Сергеева А.

Дорога в Тридесятое царство / А. Сергеева — «София Медиа»,
2016

ISBN 978-5-906791-80-1

Эта книга приглашает читателя совершить путешествие в Тридесятое царство – в ту далекую страну нашего бессознательного, где хранится разгадка тайны «загадочной русской души». При помощи юнгианского толкования славянских былин и сказок мы попробуем выяснить, почему живем зачастую вовсе не так, как хотелось бы, почему порой тоскуем и бездействуем, вместо того чтобы радоваться и активно творить свою жизнь по собственному разумению. А также отыщем лекарства для древней языческой души, рецепты которых наши предки «зашифровали» специально для нас в сказках и преданиях.

ISBN 978-5-906791-80-1

© Сергеева А., 2016
© София Медиа, 2016

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Введение	8
Часть I	11
1	11
2	20
3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александра Сергеева
Дорога в Тридесятое царство.
Славянские архетипы в мифах и сказках

© Сергеева А., 2016

© ООО Книжное издательство «София», 2016

От автора

Прежде чем Читатель примет решение о том, уделить ли время прочтению этой книги, я должна внести ясность по некоторым вопросам. Во-первых, я не историк. Поэтому никакого особого, нестандартного видения истории Руси-России я не предлагаю, да и не могу предложить. В книге мне порой приходится оперировать историческими фактами, ибо психологию как индивида, так и этноса невозможно изучать в отдельности от реалий, с которыми им пришлось столкнуться в ходе своего развития. В этих вопросах я полагаюсь исключительно на труды крупнейших историков – Н. М. Карамзина, Л. Н. Гумилева, Н. И. Костомарова и прочих авторов, почитаемых классиками отечественной истории.

Во-вторых, я не фольклорист; несмотря на то что в данной книге я опираюсь на работы А. Н. Афанасьева, Б. А. Рыбакова, В. Я. Проппа и других признанных ученых, былинный и сказочный материал для меня интересен в первую очередь не с точки зрения изучения «исторических корней», а как символическое описание психологических сценариев восточнославянской души.

В-третьих, я не являюсь ни воинствующим славянофилом, ни чего-либо-фобом, ни вообще приверженцем какой-либо идеологии. И как человеку, и тем паче как психологу, мне в равной мере чуждо как национальное самовозвеличивание, так и самоуничужение.

Своей задачей как аналитика-юнгянца при изучении мифологического материала я вижу вычленение и описание устойчивых паттернов, особой архетипической констелляции в душе человека, принадлежащего к восточнославянскому этносу. Основной вопрос, который ставится в этой книге, – это влияние архетипического наследия предков на жизнь моих современников-соотечественников.

Предисловие

Русь – третий Рим, Второй Царьград. Однако много ли в нас греческой или романской крови? Ощущает ли себя хоть один русский потомком византийцев? Ничуть не бывало! Душа этноса обретает свои неповторимые черты на заре существования, так же как и психика отдельного человека выстраивает фундамент будущих взаимоотношений с миром в самые ранние годы жизни. Язычество является колыбелью любого этноса. Период раннего детства – то время, когда законы мироздания усваиваются на внелогическом уровне, а любой хоть сколько-нибудь удачный опыт переходит в разряд устойчивых сценариев, автоматически срабатывающих каждый раз в любой похожей ситуации. Поэтому, какому бы богу мы ни поклонялись, достигнув зрелости, во что бы ни веровали, будь то христианство, ислам или научный прогресс, – в глубине бессознательного наша душа всегда остается язычницей.

Да, многое из того, что сложилось в ранний период нашей жизни не самым лучшим образом, впоследствии можно исправить. Но для этого нужно вспомнить, с чего все началось...

Введение

С незапамятных времен главной мечтой человечества является обретение бессмертия. Но задумывались ли мы о том, что вечная жизнь и так дарована нам Природой? Каждый из нас, в определенном смысле, пребывает на этой земле вечно – с самого зарождения всего живого – и будет здравствовать до скончания веков. Бренным гостем в этом мире является лишь крошечный островок целостной души, живущей вне пространства и времени, наше Сознание – осмысление и ощущение самого себя в текущий момент. Это утверждение отнюдь не причудливая игра воображения и не вычурная фигура речи, вписанная мною ради красного словца. Даже если на короткое время отвлечься от вопросов духовности и посмотреть на человека с точки зрения физиологии, и в этом случае мы все как один являемся своего рода «Дунканами Маклаудами».

Все просто: телесно мы «начались» с маминой яйцеклетки и папиного сперматозоида, то есть еще до своего рождения. Выходит, даже физиологически мы были обусловлены (и существовали!) задолго до того, как о нас вообще впервые кто-то задумался. Наши родители были «сделаны» из клеток бабушек и дедушек; те, в свою очередь, созданы из генетического материала прабабушек и прадедушек, а они появились на свет из соединения гамет тех, чьи имена мы давно позабыли. И так в глубину веков, до первых *Homo Sapiens*, до приматов, до водорослей, которые около двух миллиардов лет назад зародились в океане. Каждый из нас – это музей эволюции, хранилище бесценной коллекции генов, которые прошли всю историю Жизни и содержат информацию обо всех стадиях ее развития.

Но человек – это не только биологический вид, набор химических элементов, «форма существования белка». Эволюция человека – это еще и история духовного становления. Точно так же как наша ДНК содержит историю *физиологического* развития вида, наше бессознательное является хранилищем всего *психического* опыта человечества¹.

Годовалому ребенку не нужно заново изобретать способ прямохождения, он точно так же встает на ножки и идет, как миллионы детей делали это до него, сотни тысяч детей делают вместе с ним, и миллиарды малышей будущего отправятся познавать трехмерное пространство тем же образом. Ровно в той же степени нам не нужно изобретать собственные уникальные способы заводить друзей и рвать связи, флиртовать и отвергать, сочувствовать и злорадствовать, отстаивать свои взгляды и безропотно уступать, мужественно сражаться и трусливо прятаться, строить карьеру и создавать уют в доме. Все эти навыки мы черпаем из коллективного бессознательного, где содержится все духовное наследие человечества, возрождаемое каждый раз заново в структуре каждой отдельной личности.

Наследственные элементы психики именуются *архетипами* (от греч. *arche* – «начало» и *typos* – «образ», «оттиск»). Их духовное, понятийное, символическое и аффективное содержание не имеет источника в отдельной личности. Они несут в себе свойства всего человечества как единого целого. Любая ситуация, однажды имевшая место в этом мире, а затем повторившаяся еще сколько-то раз в силу своей жизнеспособности, становится архетипической, то есть запечатлевается оттиском в структуре человеческой души для всех последующих поколений. Архетипы проявляются в сознании как образы или идеи, могут значительно варьироваться в деталях, однако не теряют при этом своей базовой схемы.

¹ «Человеческое тело представляет собой целый музей органов, каждый из которых имеет за плечами длительную историю эволюции, – нечто подобное следует ожидать и от устройства разума» (Юнг К. Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции... С. 317)¹; «Безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума точно так же, как и строение нашего тела восходит к общей анатомической структуре млекопитающих» (Юнг К. Г. Человек и его символы... С. 113)². – *Здесь и далее прим. авт., если не указано иначе.*

Архетип в действии можно сравнить с джинном, вырвавшимся из бутылки (да не смутит читателя появление арабского персонажа в книге о славянской душе, ибо невозможно рассматривать отдельный этнос вне связи с другими культурами). Есть две версии происхождения слова *джинн*: от латинского *genius* («дух» как невещественное начало) и от арабского *иджти-нан* («скрытность», «невидимость», «сокрытие») – так назывались сущности, созданные из чистого бездымного пламени, не воспринимаемые ни одним из пяти органов чувств, однако имеющие способность вмешиваться в человеческую жизнь и управлять ею. Учитывая широко распространенную ныне гипотезу о существовании некоего общего праязыка, объединение двух разных основ как раз и приближает нас к пониманию архетипа.

У джинна-архетипа, как и у Бога, нет иных рук, кроме человеческих. Воплощаясь каждый раз в новой жизни, он представляет собой паттерн – типическую модель поведения или типический сюжет. Такие сюжеты в обычной жизни имеют место каждый день, они описываются в литературе, повторяются в мифах, былинах и сказках. С каждым новым воплощением архетип обретает все большую мощь и влияние на человеческий род. Это происходит по простейшему принципу: «чаще случается то, что случается чаще».

У архетипа нет не только рук, но и лица. Его невозможно распознать с первого взгляда, он никогда не представится, не постучится учтиво в дверь нашего сознания. Напротив, он врывается в жизнь как ураган, как некое безотлагательное требование. Более того, мы в большинстве случаев и не заметим присутствия незваного гостя и, как сформулировал Булгаков устами Воланда, будем наивно полагать, что это мы сами так с собственной жизнью управлялись, повинаясь неотвратимым обстоятельствам.

Однако люди с незапамятных времен замечали, что в жизни существуют силы и закономерности, неподвластные не только воле, но и пониманию. И дабы незнакомое на индивидуальное психическое содержание не было таким ужасным, человечество испокон веков пытается его описать, придать ему тот или иной зримый образ. Именно этому побуждению мы обязаны появлением всех видов искусств – от устно пересказываемых былин и сказок древности до современной кинематографии. Все они используют метафоры для описания архетипических столкновений.

Современный человек продолжает оставаться мифотворцем в не меньшей степени, чем его предки из далеких времен. Мы вновь и вновь разыгрываем извечные сюжеты, основанные на архетипических сценариях. Могут меняться детали, декорации, состав действующих лиц, но сама фабула остается неизменной. Вспомним, например, странный брак чудака-профессора, изобретателя машины времени, и неверной красавицы из булгаковского «Ивана Васильевича». Он в точности повторяет сценарий супружеских отношений Гефеста и Афродиты – самого первого в мире изобретателя, хромого звероподобного кузнеца, и наипрекраснейшей из всех богинь, окруженной многочисленными любовниками, главный из которых – воинственный Арес. Из детства же мне вспоминается первая модница нашего двора, необыкновенная красotka Вика.

Слухи о ее любовных похождениях с молодыми лейтенантами вызвали соседское негодование, а брак с тщедушным, колченогим Колей, талантливым мастером, которому весь двор носил в починку магнитофоны, телевизоры и радиоприемники, – удивление и даже своего рода сочувствие. Так советские люди 1980-х годов, слыхом не слыхавшие ни о Гефесте, ни об Аресе, да навряд ли и о самой Афродите, в точности разыгрывали сценарий греческой «божественной трагикомедии», насчитывающей три тысячи лет.

Каждая человеческая душа является миниатюрной копией макрокосма со всеми богами и демонами, злодеями и героями, колдунами и волшебниками, когда-либо описанными человечеством. Никто не сможет воплотить в одной жизни и крошечной доли всего психического наследия мира, но каждый из нас имеет заранее отлитые формы, которые при определенном стечении обстоятельств заполняются нашей жизненной энергией – *либидо*, – и тогда мы пре-

вращаемся из авторов собственной судьбы в актеров, проигрывающих одни и те же извечные пьесы. И чем талантливее наша игра и громче овации, тем больше мы поглощены архетипическим содержанием, а следовательно, тем меньше наша индивидуальность, тем меньше в нас самих себя. К слову, на Руси актеров хоронили за пределами кладбища наряду с самоубийцами. Языческая традиция объясняла это тем, что лицедей на сцене живет чужой жизнью, а стало быть, отказывается от собственной, что дарована Всевышним, и тем самым лишается души.

Может сложиться впечатление, что раз уж на каждом шагу нас поджидают архетипические ловушки, то в мире, где все давно уже свершилось, человеческой уникальности вообще нет места. Тем не менее это не так. Джинн (а также Баба-Яга, Леший, Водяной и любой другой дух-архетип) бывает не только враждебным и коварным, но и благодетельным, если не злоупотреблять его помощью, а, воспользовавшись его могуществом, дальше опираться на собственные ресурсы и следовать своим истинным стремлениям. Попытки эксплуатировать волшебное существо после выполнения трех желаний, как мы помним из сказок, приводят Героя к большим бедам.

Воплотить в своей душе некий архетип осознанно, не заигрываясь и не отождествляясь с ним, означает приобрести собственную уникальную возможность контактировать с внешним миром при помощи даруемых им ресурсов. Если человек идентифицируется, скажем, с архетипом Героя, то есть неуклонно следует героическому паттерну, ему не остается ничего другого, как умереть в молодом возрасте. Старых героев не бывает! И так происходит со всеми, будь то Александр Македонский или Александр Матросов, новгородский былинный Василий Буслаев или троянский мифологический Ахилл. Однако, если вовремя остановиться, поблагодарить героический архетип за завоеванные территории и, опираясь уже на другие силы, перейти к их возделыванию, происходит превращение воина в мирного правителя, отца семейства, мудреца и учителя.

Как только человек понимает, что находится в архетипическом паттерне, он тотчас получает шанс выйти из него, да еще и прихватив с собою бесценный опыт и волшебные дары. Об этом рассказывается в самых разных сказках: Марья-искусница, зачарованная Водокрутом, Кай, околдованный Снежной королевой, Неумойка, находящийся на службе у черта, обретают возможность выбраться на волю в тот же миг, как только вспоминают, кто они на самом деле, кто их родные и где их настоящий дом.

Сочиняя мифы и сказки, люди пытались узаконить собственные, не поддающиеся простому объяснению, психические порывы. Творчество начинается там, где заканчивается логика. Когда невозможно ответить на вопрос «почему», придумывается сказка, пишется пьеса или симфония, в руках появляются краски и кисть.

Изучение мифов и сказок для аналитического психолога означает то же, что для врача постижение анатомии и физиологии. Кроме того, исследование опыта предков дарит нам возможность развить интуицию – то самое «шестое чувство», которое позволяет узнать о присутствии джинна-архетипа в нашей жизни. Мы можем научиться слышать его шаги, изучить его повадки и предугадывать намерения. Тогда мы будем осведомлены о той цене, которую придется заплатить за его услуги, и тем самым уберемся от «делок с дьяволом», когда платой за сиюминутную выгоду оказывается собственная душа, любимое дитя или же, в лучшем случае, «фунт плоти», но герой узнаёт об этом, увы, слишком поздно.

Архетип невозможно ни обмануть, ни приручить; с ним нельзя ни подружиться, ни подчинить его своей воле, но можно разведать его тайные тропки и лазейки, изучить его уловки и ухищрения, тем более что они довольно стереотипны. Тогда мы не только обезопасим себя от нечестных сделок, но и обретем драгоценное знание о законах собственной души, чудодейственные средства для ее излечения, а также безграничный выбор способов воплощения своей уникальности.

Часть I

Снаряжение в дорогу

1

Одна на миллион или одна из миллионов?

Чей ты будешь, мил человек, и как тебя звать?

Свою работу в качестве архетипического психолога я начала с проведения терапевтических групп для женщин, теоретической базой для которых служили мифы Древней Греции. Такой выбор был обусловлен, во-первых, широким освещением греческих мифологем аналитиками-юнгианцами, а во-вторых, тем, что европейская культура во многом построена именно на греческих традициях. Так или иначе, все европейцы имеют хоть какое-то представление об олимпийских богах. Наша же страна, как бы мы к этому ни относились, уже пятый век идет по пути европеизации, в том числе и в культурном смысле. Во всяком случае, в России Зевса, Афины и Аполлона знают намного лучше, чем славянских Дажьбога, Семаргла и Макошь.

Каково же было мое удивление, когда на наших занятиях, во время практики активного воображения, основанной, напомним, на греческой мифологии, участницы одна за другой начали описывать образы, явно относящиеся к славянским мифам и фольклору! Мой опыт работы был еще недостаточно велик, чтобы делать предположения о существовании неких «генетических» или «национальных» архетипических образов, более близких русской душе, нежели общечеловеческие коллективные идеи. И тем не менее изучение славянской мифологии стало для меня необходимостью. Чем больше я углублялась в психоархеологические раскопки в поисках славянских особых архетипических черт, сокрытых под культурными слоями той самой европеизации и еще более ранней христианизации, тем абсурднее мне казались собственные сомнения в начале исследования. Безусловно, базовые архетипы, выведенные Юнгом (такие как Тень, Персона, Анима и Анимус, Великая Мать и другие), являются общими ядерными идеями для всего человечества, но в определенных слоях бессознательного они отчетливо приобретают этнические черты.

Национальная психика, на мой взгляд, является отдельным пластом, пролегающим между индивидуальным бессознательным – «областью Фрейда», вместилищем подавленных, вытесненных за границы сознания идей и влечений конкретного человека, – и коллективным бессознательным, «сферой Юнга», сокровищницей психического мира всего человечества. Более того, можно предположить, что этот срединный пласт выполняет еще и связующую функцию между первым и вторым, – в том смысле, что культурные, родовые и семейные паттерны, то есть образцы поведения, заимствованные непосредственно по родственной линии,

помогают индивиду приспособить собственную уникальную психику к общечеловеческим душевным инстинктам, каковыми и являются базовые архетипы.

Национальные или родовые архетипы – это та почва, на которой формируется менталитет: мировоззрение, образ мысли, представление нормы. То есть коллективные архетипы – это лишь повод к мысли, некая интенция, требование, влечение, а вот сам процесс осмысления уже проходит сквозь национальный культурный слой. Иными словами, каждое свое побуждение, желание или намерение, является ли оно внутренним порывом или реакцией на внешнюю ситуацию, мы бессознательно сравниваем с опытом предков, и лишь пропустив его через «потомственный фильтр», принимаем к сознательному рассмотрению и последующему воплощению в реальности или же отвергаем как нечто недопустимое.

Позволю себе привести пример, весьма далекий от темы этой книги. Давайте представим себе, что нам нужно объяснить представителю внеземной расы, кто мы такие. Для того чтобы он понял нас, пришлось бы пойти от общего к частному: я человек, я женщина, я русская, моя фамилия Сергеева, меня зовут Саша (именно Саша, а не Александра Александровна, об этом далее).

Первая идентификация: «человек». С биологической точки зрения это означает мою принадлежность к виду *Homo Sapiens* со всеми вытекающими морфофизиологическими последствиями (определенная анатомия, жизненные циклы, способность к членораздельной речи и абстрактному мышлению). Я обладаю свойственными виду инстинктами – динамическими программами, определяющими поведение на биологическом уровне.

С психологической точки зрения моя человеческая природа означает, что фундаментом моей личности являются общечеловеческие универсальные модели, схемы и мотивы – архетипы. Проследить их можно в поведенческих проявлениях, связанных с основными и, опять-таки, универсальными для всего моего вида вехами: рождением, инициацией, браком, конкуренцией, материнством, серьезной утратой или важным обретением и т. д. Архетип – регулятор моей психической жизни, как инстинкт – регулятор жизни телесной.

Наш предполагаемый собеседник-гуманоид может выявить человеческие инстинкты, наблюдая за единообразием в биологическом поведении любой особи нашего вида, а архетипы – созерцая тождественность психических явлений. Именно связь инстинктов и архетипов может рассматриваться как взаимодействие души и тела, а их совокупность и дает представление о человеке.

Вторая идентификация: «женщина». С биологической точки зрения это означает отсутствие у меня Y-хромосомы, наличие первичных и вторичных половых признаков, способность к деторождению и вскармливанию потомства.

Что касается моей души, я имею гендерные психологические особенности, отличающие меня от другой половины человечества. В общих чертах это преобладание интуиции над логикой. Если более развернуто, то мое сознание и психическая активность в большей степени определяются принципом Эроса (принципом Инь) – способностью к построению связей, соединению, склонностью к обобщению. Моя потребность в близости, каких бы социальных успехов я ни достигала, всегда будет больше, нежели потребность во власти. Логос – принцип логики и структуры, дающий возможность различать, разграничивать и рассуждать, мужской принцип, или принцип Ян, – является во мне вторичным и реализуется посредством Анимуса (от лат. *animus*, «дух»). То есть я сначала чувствую и лишь потом рассуждаю, в то время как у мужчины всё наоборот. Его способность чувствовать персонифицирована в Аниме (от лат. *anima*, «душа») – феминной части мужской психики. Об Аниме и Анимусе мы еще будем много говорить в этой книге.

Третья идентификация: «русская». О биологических особенностях здесь можно сказать немного: я принадлежу к европеоидной расе, мои антропологические показатели в основ-

ном совпадают со средними западноевропейскими величинами, кроме более светлых волос, меньшего оволосения, слабо развитого надбровья и почти прямого лба.

А вот что касается души, то моя принадлежность к русскому этносу придает мне весьма характерные особенности.

У архетипа есть множество способов воплотиться в жизни человека, он может реализовываться в самых разных сценариях. Например, архетип Великой Матери может актуализироваться непосредственно в рождении и воспитании детей. Но потребность *выращивать* можно претворять в жизнь и возделывая собственный огород или разводя породистых морских свинок, можно работать воспитателем или следователем в детской комнате милиции, а можно «усыновлять и удочерять» всех подряд, изводя взрослых людей своей гиперопекой. И наоборот, взрослые люди, которые либо недополучили в детстве материнской любви, либо, напротив, привыкли к удушающей сверхзаботе, ищут маму в каждом – друге, коллеге, партнере, начальнике и даже собственном подрастающем ребенке. В русской же культуре, в силу особой национальной депривации, о которой мы поговорим позже, сложился еще и очень специфический архетипический образ Матушки Руси – этакой многострадальной, всеблагодой и всепрощающей старушки, перед которой, однако, все находятся в неоплатном долгу.

Вследствие особой истории формирования в каждом этносе закрепляется ограниченный спектр макро-паттернов. Даже просто перечислять их, а тем более попытаться схематизировать уже в первой главе, было бы с моей стороны весьма самонадеянно, поэтому я могу лишь предложить нашему воображаемому инопланетному визави обратиться к следующим главам этой книги. Здесь же достаточно отметить, что национальный характер, как и характер индивидуальный, определяется выбором психологических стратегий – тех реакций, которые усваиваются на бессознательном уровне и используются для защиты своей индивидуальной душевной структуры. Они являются адаптивными способами переживания мира. Выбор таких защит зависит от множества факторов.

Врожденный темперамент

Восточные славяне, как и все оседлые народы, флегматичны. Это отнюдь не значит, что каждый русский, украинец и белорус – флегматики, такова лишь общая тенденция. У восточных славян существует социальное одобрение таких качеств, как неторопливость, невозмутимость, сдержанность и т. п.

Окружающая среда

Это и климат, и географические условия. Например, у нас существует пословица «где родился, там и пригодился», ведь в старину по причине сурового климата и огромных расстояний путешествовать было просто опасно. Все, что находилось дальше соседней деревни, считалось враждебной чужбиной. Заметьте: ни в одной былине богатыри не захватывают чужих земель – свою бы сохранить. Отсюда такие национальные черты, как ригидность и конформизм: «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», «с родной земли – умри, не сходи».

Национальные травмы

Это и слишком ранняя, с точки зрения этнического возраста, насильственная христианизация, и тирания Ивана Грозного, Петра I и Иосифа Сталина, и монголо-татарское иго, и недавняя, в сравнении с более чем тысячелетним возрастом нации, революция. К слову, все самые значимые в истории правители являлись русскому народу вовсе не родными царями-

батюшками, а отчимами: Рюриковичи – варяги; последний из них, Иван Грозный, – по материнской линии потомок Мамая, по бабке по отцовской линии еврей-сефард, по прабабушке Софье – византиец; Петр Великий по матери – хазарин; Сталин – грузин. Поэтому в сознании народа существуют два столь разных понятия – *родина* и *отечество*. Первое – это все та же несчастная Русь Матушка, угнетаемая иноземным мужем, правителем-тираном, второе – и сам отчим-деспот, и символизируемая им государственность. Русские не любят власть – никогда, никакую и ни при каких условиях, даже когда избирают ее сами! Мечта любого пасынка – вырасти и отомстить приемному отцу за себя и еще в большей степени за мать. Часто так и получается, как только отрок почувствует в себе окрепшую силушку молодецкую: в основном, впервые «приняв на грудь», он действительно учиняет над отчимом кулачную расправу. Русскому народу это тоже однажды удалось – я имею в виду Октябрьскую революцию. Однако Русь Матушка вскоре вновь была выдана за грузинского правителя, и история повторилась в еще более жестокой форме, чем когда-либо прежде.

Динамический стереотип (результат положительного подкрепления)

Это свойство психики как отдельного индивида, так и этноса. Сводится оно к очень простой формуле «от добра добра не ищут»: если единожды нечто сработало удовлетворительно, то есть ни к смерти, ни к большой трагедии не привело, – нечего и искать другие способы. Несмотря на то что по мере развития психики как индивиду, так и этносу в принципе становятся доступны куда более продуктивные модели поведения, бессознательно будут выбираться все равно старые, опробованные «дедовские способы», ибо они имеют клеймо «для жизни не опасно». Здесь я позволю себе воздержаться от какого-либо конкретного примера, так как имя им легион. Любой архетипический паттерн становится таковым именно благодаря некогда пройденному тесту на адаптивность.

Таким образом, мое определение «русская» превращает меня из *Homo Sapiens* в *Homo Patrimoniens* – Человека Наследующего, что еще ярче проявляется в **четвертой идентификации**: «Сергеева». Слово *фамилия* означает «семья». Это связь с конкретным родом, с сотнями поколений предков, в результате передачи генетического материала и духовного опыта которых появилась я. К слову, на Руси было позорно прослыть «Иваном, своего родства не помнящим»; человек «без роду, без племени» считался вовсе недочеловеком. При знакомстве же задавался не только вопрос «как звать тебя?», но и «чей ты будешь?»: имя просто позволяло обращаться к новому человеку – «звать его», ответ же на второй вопрос давал представление о том, *каков* он, новый знакомец, каковы его взгляды, нормы и ценности.

Правда, у женщин с семейной идентификацией все обстоит сложнее – вступая в брак, мы берем фамилию супруга. На психическом уровне это означает, что мы принимаем устои, традиции и нормативные принципы семьи мужа. Конечно, в современном мире по меньшей мере подразумевается, что супруги строят партнерские отношения и формируют свой собственный жизненный уклад на стыке систем обеих родительских семей, а преуспевшие в самопознании еще и создают собственные уникальные семейные модели. Однако *архетипически* смена фамилии означает смену семьи и родовой самоидентификации. Впрочем, в восточнославянской традиции женщина сохраняет реальный атрибут связи с родом после вступления в брак через *отчество*. Кроме того, за все время работы в качестве аналитического психолога мне, пожалуй, не встретилось ни одной замужней женщины, которая на сессиях, погружаясь в глубины бессознательного, время от времени не называла бы себя девичьей фамилией.

Итак, с точки зрения биологии, моя фамильная идентификация означает большую конкретизацию морфофизиологических черт предыдущих уровней – вида, расы, национальности: у меня вторая группа крови, зеленые глаза, рыжеватые волосы и т. д.

А с психологической точки зрения моя принадлежность к определенному роду, семье означает еще большую детализацию общечеловеческих архетипических паттернов. Если на национальном уровне весь духовный опыт и потенциал человечества был пропущен через «фильтр грубой очистки», то на уровне семейном мои предки подвергли эти национальные остатки еще и «микрофилтрации».

Таким образом, из всего духовного богатства мира я получила в наследство лишь мизерную долю человеческих возможностей. Если сравнивать коллективное бессознательное (весь психический опыт человечества) с совокупностью всех земных территорий, то из невероятного изобилия целого мира – лесов, лугов, степей, гор, морей, пустынь и океанов – мне причитается освоить и возделывать лишь крошечный клочок земли.

И первую треть своей жизни я буду заниматься именно этим – так как задачей молодости является социализация, процесс усвоения образцов поведения, психологических установок, норм и ценностей своего окружения, освоения знаний и навыков, позволяющих влиться в систему. Проще говоря, цель социализации – это пресловутое «не хуже, чем у всех». Естественно, под «всеми» подразумевается весьма узкий круг людей, а мерилom этого «хуже» или «не хуже» являются семейно-родовые традиции и нормы ближайшего окружения.

Следовательно, несмотря на то что мои гены и моя психика содержат в себе опыт и потенциал всего человечества, по рождению я получаю в надел даже не «участок в шесть соток», а чуть ли не клетку. Конечно, речь идет о внутреннем психическом пространстве, где прутьями клетки являются нормы, убеждения, ценности и установки.

Самой большой сложностью для индивидуальности является то, что этот «культурный сплав» усваивается бессознательно, всецело, безусловно и вне зависимости от личного опыта, а посему практически никогда не доходит до порога сознания и не подвергается критике. Высоко социализированные люди, то есть крепко встроенные в общество, надежно вмонтированные в свои «социальные ячейки», как правило, и помыслить не могут о том, что те способы, мнения и решения, которыми они руководствуются в жизни, пропущены через «нормативные фильтры» и вовсе не являются ни истиной, ни предопределенностью, ни тем более результатом свободного выбора. Этот выбор был сделан за них давным-давно их предшественниками. Внутренние ограничения проецируются² на внешний мир. Установки внешнего мира, транслируемые значимыми людьми, в том числе и невербально, интроецируются³. Этот двусторонний процесс не оставляет бесхитростной, доверчивой душе никаких шансов увидеть самостоятельно хоть какие-то реальные альтернативы данному выбору.

«А что случится, если вы все-таки не выйдете замуж до тридцати лет?» – задаю я девушке-клиенту обыкновенный вопрос. С минуту она смотрит на меня как на умалишенную, словно я поинтересовалась, не собирается ли она вживить себе жабры или переехать на Сатурн. Затем следует взрыв возмущения: мама родила ее в двадцать, сестры вышли замуж до двадцати пяти, а ей до «критического возраста» остался всего год! И проходит от получаса до нескольких сессий, прежде чем она принимает идею о том, что никаких «крайних сроков», кроме как в ее голове, больше нигде не существует, что можно спокойно продолжать карьеру, творческие проекты, самообразование и ждать человека, которого она действительно полюбит, вместо того чтобы выйти замуж за первого встречного лишь потому, что «пора» и «так принято».

² *Проекция* (от лат. *projectio*, «бросание вперед») – бессознательный процесс, защищающий собственное сознание от собственных же нежелательных проявлений, в результате которого внутреннее ошибочно воспринимается как приходящее извне. Человек приписывает кому-то или чему-то собственные мысли, чувства, мотивы, черты характера и пр. Процесс проекции впервые описан Зигмундом Фрейдом.

³ *Интроекция* (от лат. *intro*, «внутри», и *jacio*, «бросаю, кладу») – бессознательный процесс, защищающий сознание от нежелательных проявлений внешнего мира, в результате которого внешнее ошибочно воспринимается как происходящее в самом индивиде: включение в свой внутренний мир чужих взглядов, мотивов, установок и пр., как если бы они были порождением собственного опыта. Термин впервые был предложен Шандором Ференци.

А что произойдет, если вы отпустите нелюбимого вами мужчину к женщине, которой он по-настоящему нужен?

А что произойдет, если вы определите маму в специализированное медицинское учреждение, вместо того чтобы самому играть роль сиделки?

А что произойдет, если вы на время декрета все-таки доверите мужу финансовую заботу о себе?

А что произойдет, если вы все-таки позволите сыну самому разбираться со своими долгами?

А что произойдет, если вы все-таки рискнете отправить свои стихи в издательство?

Вот те простейшие вопросы, которые я задавала клиентам на последнем групповом занятии. Но в первые мгновения на меня смотрят с таким же изумлением, как, по-видимому, смотрел бы сейчас наш вымышленный инопланетный собеседник, гадая, что же это за механизм такой в человеческой психике, который способен так исказить, деформировать и сузить реальность.

Да, архетипические паттерны, принимающие форму традиций, норм и ценностей рода, семьи, окружения, являются теми тропами, без освоения которых мы не сможем найти путь к другим людям. Но, с другой стороны, слепое следование им без осознания того, что есть и собственные потаенные тропки, которые позволяют то сократить путь, а то и выйти на ранее неизведанную тропинку, превращают нас в белку в колесе или в биороботов – структурных клонов наших предков (внешние отличия есть, но жизненные схемы все те же).

На этой минорной ноте мне бы и оставалось только с пафосной тоской продекламировать нашему гуманоиду блоковское «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека», но в жизни, в отличие от упомянутого стихотворения, «исход» есть. Дело в том, что эволюция, благодаря которой инопланетный гость мог бы общаться с нами вместо созерцания безмолвных и безмозглых инфузорий, происходит вследствие двух *противоположных* процессов. Первый – это *наследственность*, о которой мы рассказали уже достаточно. А второй – *изменчивость*. Обе эти тенденции охватывают как биологическую, так и духовную сферу.

И здесь мы наконец-то подходим к последней, *пятой идентификации*: «Саша». Именно «Саша», а не «Александра», потому что так я называю себя сама. Это комплекс моих убеждений относительно собственной личности, что отнюдь не является полной величиной, так как, по сравнению со всей психикой, сознание является лишь верхушкой айсберга, основной же массив скрыт в пучинах бессознательного. Поэтому, даже несмотря на то что я обладаю большими познаниями о собственной душе, нежели непсихолог, моя осведомленность о своих глубинных психических процессах столь же мала, как и знания врача о протекании метаболизма в собственном теле.

Но если у людей-неспециалистов есть хоть какие-то общие сведения о физиологической и анатомической структуре собственного тела, почерпнутые из школьного курса биологии, то знания о душе остаются тайной за семью печатями, так как не входят в круг общеобразовательных предметов. И это оправдано системой, ибо условием ее существования является стабильность – то есть именно наследование и копирование проверенных, жизнеспособных паттернов.

Однако если система слишком долгое время остается закрытой, не получает подпитки извне, она закаливается и становится нежизнеспособной – старые ресурсы рано или поздно вырабатываются, и она поедает саму себя изнутри. Поэтому наряду с наследственностью, как мы уже упомянули, существует противоположная движущая сила – изменчивость, которая обеспечивает способность к обновлению и освоению новых поведенческих навыков, как в биологическом, так и в духовном смысле.

На биологическом уровне эта тенденция выражена во мне самой природой – индивидуальность уже дана мне физиологически и анатомически от рождения. Я, как и каждый чело-

век, уникальна. В точности такого же сочетания цвета глаз, волос, пропорций тела, строения внутренних органов не было за всю историю человечества, нет сейчас и не будет никогда.

Тогда логично предположить: раз уж природа так позаботилась о моей телесной уникальности, то моя индивидуальность должна выражаться и психически. Все универсальные душевные силы и способности человеческой расы, то есть архетипы, в каждом индивиде складываются в особую комбинацию. Каждый человек обладает своей неповторимой врожденной психологической структурой. И только проживая жизнь в соответствии с этой структурой, он может стать не просто «статистической единицей», а самобытной личностью, воплотившей свою природную уникальность.

Этот процесс Юнг называет *индивидуацией*, что означает «неделимость» (*in-dividuation*). В результате этого процесса, как подсказывает сама этимология слова, человек обретает целостность души. Проще это можно назвать *самостановлением*, *саморазвитием*, *самопознанием*. Ключевой здесь является морфема *само-*, так как в этом процессе человек остается один на один с самим собой, а общество скорее будет противиться, нежели оказывать поддержку. Подвиги совершаются в одиночку! И отважится на это отнюдь не каждый. Забегая вперед, скажем, что именно этот процесс метафорически описывают все героические мифы и сказки.

Индивидуация является задачей второй половины жизни, недаром возраст всех мифологических героев – тридцать три года. Наш гость из других миров наверняка был бы немало удивлен таким парадоксом: нам, землянам, нужно сначала познать других, чтобы иметь возможность познать себя! Самостановление возможно только после прохождения первого этапа – *социализации*, посвящения во внешний мир, приобщения к социуму. Только познав в значительной степени общество, став его частью, проще говоря, обретя уже упоминавшееся «не хуже, чем у всех», человек имеет шанс пройти посвящение в мир внутренний.

Самостановление – это процесс разграничения психики индивидуальной и коллективной: семейной, родовой, национальной, общечеловеческой. Осмелившийся вступить на этот путь обретает способность видеть разницу между идеями и ценностями, порожденными собственным «я», и общественными тезисами, которые он впитал ранее из окружающего мира. Эта дифференциация собственного «я» от коллективных норм позволяет ощутить себя намного большим, нежели просто придатком общества, семьи или группы. Личность осознаёт, что у нее есть собственные ценности и потребности, воплощение которых в реальной жизни и является целью уникального от рождения «я» – исключительного творения Природы с исключительной миссией в этом мире.

Конечно, слово «миссия» звучит чересчур пафосно. Однако это не обязательно нечто грандиозное. Истинным предназначением человека может быть починка обуви, выращивание цветов, воспитание детей, в то время как семейные традиции, например, толкают его на написание диссертации. И наоборот, сын рыбных промышленников из деревни близ Архангельска может стать первым российским академиком, а девочка из приюта – законодательницей мод и одной из самых влиятельных людей XX века⁴. А случается родиться и в «своем гнезде»: например, отец Моцарта был лучшим музыкальным педагогом своего времени (здесь нужно заметить, что состояться профессионально еще не значит быть счастливым и целостным). В любом случае осмысление своего предназначения в самом широком смысле этого слова, вопреки или согласно ценностям и нормам ближайшего окружения, и будет расширением сферы сознания, раскрытием собственной сокровенной природы, следованием главному жизненному пути.

Эту сокровенную природу, неповторимую структуру каждого индивида и каждой вещи, словом, все то, что является некой самостоятельной единицей, Платон называл *эйдосом* – внутренней формой бытия вещей, тем подлинным, что дается в умопостижении, в отличие от про-

⁴ Конечно, я имею в виду Михаила Ломоносова и Коко Шанель. Эти примеры абсолютно случайны – просто они первыми пришли мне в голову.

стого мнения. К слову, «мнение» в античной философии является антонимом достоверного знания и истины; это всего лишь то, что принимается на веру от других людей.

Юнг называет этот феномен Самостью, а путь к ней – *индивидуацией*, или «восамлением»: «Самость является нашей жизненной целью, так как она есть завершённое выражение этой роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью...³ [Самость есть] образ жизненной цели, независимый от желаний или страхов сознания...⁴ С таким же успехом ее можно назвать “богом в нас”⁵».

Создатель онтопсихологии А. Менегетти дает этому «*базовому проекту природы, образующему человеческое существо*» название Онто Ин-се (от лат. «бытие в себе») и объясняет его как энергетическое ядро, структурирующее психобиологическую сущность индивида. Само-реализацией в таком случае является совпадение деятельности человека в историческом процессе с его природным Онто Ин-се. И чем больше это совпадение, тем эффективнее личность, тем более оптимальны ее решения в каких бы то ни было вопросах, тем она, в конце концов, счастливее, ведь тот, кто не обманывает себя, не ведает ни страха, ни тоски.

Индивидуальное и уникальное никогда не является нормой. Поэтому самостановление, вне всякого сомнения, предполагает определенное противопоставление личности социальным традициям и порядкам, не имеющим абсолютной ценности. Человек посредством возрастающего самосознания все меньше доверяет безусловным общественным доктринам. Он руководствуется собственным разумением и чутьем в вопросах о том, стоит ли «игра свеч», а «овчинка выделки», является ли наилучшим выбором и пределом возможностей для него та самая «синица в руках» и действительно ли он «сгодится только там, где родился».

В то же время чрезвычайно важно осознавать, что индивидуация ни в коем случае не приравнивается к эгоцентричности и индивидуализму. Ее задача – не отгородиться от мира, а собрать для человека целый мир. Юнг неоднократно подчеркивает в своих трудах, что наилучшее состояние – это сохранение личностной целостности при одновременном поддержании связи с коллективом, так как «нет возможности индивидуации на вершине Эвереста, где тебя наверняка никто не побеспокоит»⁷. Понимание и принятие коллективной нормы индивиду все же необходимы. Даже если для воплощения собственной уникальности он избирает особые тропы, ему нужны ориентиры для установления плодотворных и взаимообогащающих отношений с другими.

Наиболее продуктивным и жизнеспособным может считаться то общество, где сохраняются коллективные ценности при возможно большей свободе и самодостаточности отдельной личности. Как ни прискорбно, это утопия. Большинство людей на всю жизнь увязают в процессе снискания своего заветного «не хуже, чем у всех». А снаружи («у всех») так много всего, что заглянуть внутрь не остается ни сил, ни времени, – путь белки в колесе бесконечен, там нет иного финиша, кроме физической смерти.

Но, как ни удивительно, это большинство – отнюдь не самые несчастные из землян. Дело в том, что у них есть незыблемая и несокрушимая иллюзия, что счастье где-то очень-очень близко, осталось только приобрести новый телефон, выйти замуж (жениться), получить образование, купить автомобиль, съездить на отдых, дорасти до такой-то должности, «пристроить» ребенка и т. д. и т. п. Каждое новоприобретение, как материальное, так и статусное, очень быстро разочаровывает, но тотчас же сакральной надеждой наделяется следующая цель. Неудовлетворенность внутренняя обманчиво воспринимается как недостаточность чего-то внешнего. Однако этот потребительский круговорот продуцирует неиссякаемую надежду, которая является отнюдь не самым мучительным чувством, хотя и призрачным. Нельзя не упомянуть, что именно на надежде держатся большинство мировых религий. Блажен, кто верует, и жить ему легко! Преувеличение, конечно: вовсе не легко, а просто сносно, не более.

Лишь единицы из представителей рода человеческого являются зрелыми личностями – теми, кто понял, что большинство общепринятых норм весьма относительно, теми, кто научился жить в соответствии со своей уникальной природой, реализуя способности, раскрывая таланты, совершенствуя навыки, приумножая знания, испытывая полную гамму человеческих чувств без вины и страха наказания.

Самые же многострадальные из нас – это те, кто замешкался на перепутье между «как у всех» и самореализацией. Это перепутье – зона невротического столкновения, где человек уже осознаёт, что «как у всех» ему не подходит, но перспектива оторваться от привычной среды еще внушает ему невообразимый ужас. На этом уровне развития личности возникает конфликт между «я знаю» и «говорят, что...». Здесь появляется выбор между общепринятым привычным и собственным сокровенным, но пропадает возможность избежать этого выбора. Здесь очень хочется, чтобы и овцы остались целы, и волки сыты, но так не бывает! Продолжать соответствовать требованиям ближайшего окружения (которые ведь воспринимаются как единственно верные!) и высвободить индивидуальные потребности одновременно невозможно. Герою на первом этапе индивидуации приходится покинуть привычную зону комфорта.

И еще раз хочется подчеркнуть, что от социализации человеку не уйти: общество включает индивида в этот процесс без его ведома, если только ему не «посчастливилось» повторить жизнь Маугли, не удалось сбежать в психоз (что в действительности является последним бастионом психики, защищающейся от непереносимой реальности) или не случилось умереть в младенческом возрасте. Индивидуация же – сугубо личный процесс и выбор, помощником здесь является только психолог, однако без собственной работы, соотносимой с героическим подвигом, герою не побороть драконов собственной души, не найти причитающихся лишь ему сокровищ и не воцариться на престоле собственного государства – целостного микромира, созданного согласно личным нормам, правилам и желаниям.

Поэтому книга, которую вы сейчас держите в руках, конечно, посвящается тем, кто рискнул отправиться по пути индивидуации, а также их бесстрашным помощникам-проводникам, моим коллегам – аналитическим психологам.

И здесь нам наконец следует попрощаться с любезным гуманоидом, которому я, пожалуй, изрядно заморочила голову, и перейти к основной части книги.

2

Уменьшиться, чтобы повзрослеть

Зачем влезать в уху Сивке-бурке и Коровушке-Буренушке?

Главной задачей аналитического процесса является самопознание – прохождение индивидуации, становление зрелой личности, которая твердо знает, каковы ее истинные желания и потребности, а посему смело реализует их без страха и упрека в самом что ни на есть прямом смысле этих слов. Проще говоря, целостный человек всего лишь четко знает, что такое его собственное «Я», и из всего богатства мира он выбирает то, что этому «Я» подходит наилучшим образом, касается ли это творчества, способа заработка, спутника жизни, друзей, времяпрепровождения, места проживания и т. д.

Только как же понять, особенно в начале пути, что такое истинное «Я»? Конечно, мы учим своих клиентов в процессе принятия решений опираться на собственные чувства. Но для человека, едва пришедшего в анализ, такой совет – пустое сотрясание воздуха. В 90 % случаев на вопрос «Как вы себя чувствуете?» на первых встречах клиент отвечает: «Нормально», вне зависимости от того, пришел ли он со свадьбы или с похорон, заболел или выздоровел, погорел или выиграл в лотерею. Так что собственные чувства в начале пути являются лишь гипотетической опорой, потому что человеку они попросту неведомы, как Герою в начале сказки неведома дорога в Тридесатое царство.

Так с чего мы можем начать поиск этой путеводной звезды, этого точного компаса, встроенного в нас?

Здесь нам будет полезно вспомнить, что человеческое сознание функционирует по принципу различения противоположностей: мы знаем, что такое «холодно», так как знаем, что такое «тепло»; знаем, что такое «добро», так как знаем, что такое «зло»; имеем понятие о том, что значит «женщина», только в случае осознания ее дихотомической пары – «мужчина», и, соответственно, наоборот. Сознание работает так, и никак иначе!

Исходя из понимания этого простого принципа, мы можем предположить, что для поиска «Я» нам нужно, первым делом, определить, что в нас является «не-Я».

Источником понимания здесь как раз становятся мифы и сказки, которые в символической форме рассказывают о том, *как нечто бывает, с чего начинается и к чему может привести*. Причем бывает не с каким-то конкретным человеком, а с Человеком вообще. Ведь героя сказки нельзя рассматривать как некогда жившего конкретного субъекта. Он вне времени, его деяния надличностны, то есть потенциально присущи каждому, а следовательно, никому индивидуально.

Зачастую человеку достаточно просто-напросто понять, что проблема, с которой он столкнулся, вовсе не его личное горе-злосчастье, а повторение вековых коллективных сюжетов, разве что по-особому декорированных, и уже происходит чудо, сравнимое с пробуждением спящей царевны (живой, чувствующей души) от колдовского сна.

Когда первый, *коллективный*, компонент дихотомической пары становится доступен сознанию, второй, *индивидуальный*, проявляется автоматически. Ведь, как только мы замерзаем, мы вспоминаем о тепле. Точно так же, лишь только приходит осознание того, что нечто является общим, мы обретаем собственные границы: становится ясно, что же в таком случае есть наше личное, выявляются индивидуальные желания, потребности и стремления. В переводе на язык вещественной метафоры: ребенок начинает по-настоящему понимать, что такое *его собственные* игрушки, когда сталкивается с тем, что унести домой понравившуюся машинку или куклу из садика безнаказанно нельзя.

Научившись понимать символический язык сказок и мифов, мы обретаем умение отделять «свое» от «общего». И, как следствие, получаем возможность выбора. Выбор здесь суще-

ствуется вовсе не в том смысле, что, как только мы почувствовали присутствие архетипа, нам следует бежать от него сломя голову. В этом случае головы и правда будет не сносить – попадем из огня да в полымя. Не проигранный до логического конца архетипический паттерн (или, используя терминологию другой психологической школы, незаконченный гештальт) вскоре проявится в жизни снова – в новом облике, подчас неузнаваемом, в самый неожиданный момент и в совершенно, казалось бы, невероятных обстоятельствах. Так, новый начальник окажется еще хуже предыдущего, вторая жена со временем станет еще большей ведьмой, нежели первая, третий муж лишь подтвердит мнение о том, что «все мужчины одинаковы». Так будет продолжаться до тех пор, пока Герой, во-первых, не осознает само присутствие паттерна, а во-вторых, не найдет новые модели взаимодействия с ним, причем такие, которые окажутся *обоюдовыгодными* как для индивида, так и для архетипа.

Да, за выход из архетипического сюжета человеку придется платить выкуп. Это обязательное условие! Такой платой чаще всего бывает текущая эго-установка, некая ценность, которую невозможно унести с собой в новую жизнь. Например, если вы решились сменить рутинную работу, которая, тем не менее, являлась гарантией финансовой стабильности, и заняться тем, о чем давно мечтали, вам придется по меньшей мере столкнуться с временными финансовыми трудностями, непониманием окружающих, собственными сомнениями и т. д.

С одной стороны, архетип, обладая психической силой и мощью всего человечества, безусловно, могущественнее отдельного смертного. Воевать против самого его существования в собственной жизни, будучи его же *содержимым*, – это все равно что, устроившись на должность уборщика в Кремле, пытаться свергнуть государственную власть. Хочешь перемен такого масштаба – стань фигурой такого масштаба, собирай войско или, что ближе к нашей действительности, организовывай собственную партию. Естественно, «архетипический кредит» в таком случае обойдется весьма недешево: это и время, и силы, и огромный труд, а также великая опасность. Однако в этом и есть отличие между Васисуалием Лоханкиным и, скажем, Петром Аркадьевичем Столыпиным.

Но, с другой стороны, вопрос о том, что есть *содержимое*, а что *содержащее*, применительно к диаде «архетип – индивид», – это та же дилемма, что и загадка о курице и яйце или вечный спор о том, что первично: дух или материя.

Несмотря на все могущество архетипа, «своих собственных рук», как было сказано в самом начале, у него действительно нет. Поэтому вещь ищет хозяина, как говорили древние, а архетип – «подходящую человеческую форму». В таком случае индивид сам становится сосудом для архетипической энергии. Вольется же эта энергия туда, где обнаружатся подходящие пустоты, то есть в те сферы психического бытия, где нет личностного воплощения, где индивид не проявляет себя сознательно.

В отсутствие осознанного проживания с опорой на собственные чувства, ощущения и желания жизнь вовсе не останавливается, просто все происходит «само собой» – то есть так, как это случается чаще всего в «данной местности». Зброшенный участок земли, если его не культивировать, не возделывать осознанно, в соответствии со своими потребностями, вскоре зарастет сорняками. Но это будут сорняки лишь с точки зрения владельца участка, а с точки зрения природы это будет естественное, экологичное заполнение пространства.

Таким образом, архетипическое по отношению к индивиду является одновременно как содержащим, так и содержимым. Оно безусловно бессознательно для «личности-сосуда» и, следовательно, как и все бессознательное, проецируется вовне, то есть проявляет себя во внешних жизненных перипетиях – внезапных событиях, непредусмотренных обстоятельствах, неожиданных поворотах, неожиданных переменах, осложняющих жизнь или заставляющих действовать иначе. Вот такой, на первый взгляд, парадокс: являя собой емкость для коллективного психического содержания, мы сталкиваемся с ним в событиях внешнего мира, да еще и удивляемся: «Как такое могло со мной произойти?! Как меня только угородило?».

Если нам все же посчастливится распознать архетипическое содержание, которое вторглось в нашу жизнь, мужчине следует снять шляпу, а женщине сделать реверанс. Важно помнить: архетип возьмет свое всегда. У нас же есть всего две альтернативы. Мы можем либо подкрепить его своей психической энергией, «скормив» ему часть собственной жизни и души (в мифах и сказках это описывается как жертва некоему чудовищу в виде младенцев или самых красивых девушек – отдается на растерзание юное, наиболее жизнеспособное, лишь бы коллектив мог жить как встарь). Либо, в случае осознанного проживания, мы можем пополнить сокровищницу коллективного-архетипического новыми деталями, вариациями и особенностями. Во втором случае и происходит взаимообогащение. Расширение за счет индивидуального вложения получает как паттерн, так и личность. Человек может внести в некое коллективное представление свои индивидуальные черты, и тогда он получает в свое распоряжение архетипическую силу и поддержку, взамен обогащая архетипический образ новыми подробностями.

Человекоподобные приматы тысячелетиями выкапывали съедобные корешки собственными руками-лапами, обезьяноподобные люди делали то же самое, ибо это архетипично: смотри на меня, делай как я, но даже если никогда не видел, как это делают другие, все равно на уровне инстинкта повторишь. Но как-то раз один из первобытных людей додумался копать землю попавшейся под руки палкой. Соплеменники, возможно, сначала даже побили этого «Джордано Бруно», но со временем все стали пользоваться палкой-копалкой. Потом, вероятно, через множество поколений, к палке кто-то додумался привязать каменный наконечник, и так постепенно дело дошло до серпа, а потом и до комбайна. Так архетип Матери Земли вовсе не потерял ипостась кормилицы, которая насыщала народ-младенца своей огромной грудью даже без проявления сознательных усилий с его стороны. С появлением земледелия архетип получил еще больше власти, так как, в отличие от младенца, находящегося в бессознательной симбиотической связи с матерью (или со всей природой, в переводе с индивидуального на общечеловеческий уровень), годовалому малышу, или народу на пороге появления Сознания, приходится уже прикладывать усилия, «вести себя хорошо», чтобы получить от матери питание и заботу.

Обогащение архетипа индивидуальным содержанием не обязательно приводит к переменам общечеловеческого масштаба. Для отличника, получившего за особые старания в советской деревенской школе направление в вуз (а это была редчайшая возможность изменить жизнь: деревенские жители, прикрепленные к колхозу, не имели паспортов до 1974 года!), переезд в город был личным подвигом; для его детей же поступление в институт было всего лишь продолжением семейной традиции.

И в этом месте мы наконец вернемся к вопросу выбора, от которого отвлеклись чуть выше. Нельзя утверждать, что при осознании захвата части собственной души архетипическим содержанием оно автоматически целиком сходит на нет: оно просто выходит из тени, становится явным. Достигнув порога сознания, оно уже более не является всеобщим; оно осознаётся, а значит, принадлежит конкретной личности.

Но ведь в реальном-то мире мы уже успели во что-то впутаться! Вступив в битву со Змеем Горынычем, Герой уже не может пойти на попятную: мол, я передумал, давай жить дружно. Он либо одолеет Змея, либо погибнет. Третьего не дано. У нас нет выбора между действием и бездействием в том смысле, что пассивность – это тоже психическая деятельность. Но когда мы проживаем архетипический паттерн осознанно, мы можем выбирать способ его реализации в реальном мире, мы можем выбирать модели, инструменты и помощников.

Что будет именно вашим мечом-кладенцом? Как мы помним из сказок, это оружие для сугубо личного пользования: кроме одного-единственного избранного богатыря, его никто не может не то что использовать в сражении, но даже просто оторвать от земли. Таким образом, меч-кладенец является символом некоего особого индивидуального орудия, инструмента, дара, навыка, который окажет помощь в завоевании своего места в жизни. Это может быть

писательское перо, кисть художника, изысканный вкус в чем бы то ни было, просто острый язык, умение по-особому чувствовать красоту, настроения, тенденции и т. д. и т. п.

Кроме того, меч-кладенец – это орудие Логоса, которое беспощадно отсекает все лишнее в нашей жизни. В процессе индивидуации приходится отказаться от огромного количества старых связей, контактов, занятий, убеждений, привычек, опор, идеалов, норм и ценностей. Резать приходится по живому, без крови тут не обойтись. И именно Логос – чистый разум, твердое знание того, почему и зачем это нужно, – позволит уверенно прорубать дорогу в новый мир.

Наравне с оружием мы можем выбирать помощников и средства передвижения, которые облегчат путь в Тридесатое царство. Так как коллективное всегда сильнее индивида, «одним своим хотеньем», без помощи «щучьего веления», то есть привлечения неких ранее недоступных ресурсов, здесь не обойтись. Выбор соратников, слава богу, тоже является актом свободной воли. Богатырский же конь будет символом инстинктивной жизненной энергии, причем энергией управляемой и направленной на достижение осознанных желаний. А в том случае, когда лишнее обрублено, когда воплощается действительно наше истинное предназначение, – силы, соответствующие исходной самости индивида, его эйдосу, прибывают десятикратно. Хилый, горбатый жеребенок превращается в Конька-Горбунка, наделенного магической силой.

Итак, понимание общечеловеческих паттернов, почерпнутых из сказок и мифов, которые восходят к доисторическим временам, ко временам, когда только формировалась душевная структура народов, помогает осознать себя, свою отдельность, без которой невозможны полноценные, взаимообогащающие отношения с окружающим миром.

Карл Густав Юнг и его не менее талантливые последователи подробно описали «душевную анатомию» человека. От греческого слова *anatomē* («рассечение, расчленение») произошло название науки о форме и строении органов, о расположении частей тела и их взаимоотношениях с организмом *в целом*. Юнгианцы же изучают общее строение души, комплексы как отдельные системы, архетипы как психические органы, их строение и взаимоотношения с индивидуальной психикой *в целом*. В биологии различают анатомию растений и животных; в последней есть раздел, изучающий человека. Самостоятельной дисциплиной является *сравнительная анатомия* животных, изучающая закономерности строения и развития органов и их систем путем сопоставления разных групп животных и человека.

Именно сравнительной душевной анатомией нам и предстоит заняться в этой книге. Я отнюдь не претендую на некую истину и не обещаю дать исчерпывающий ответ на вопрос, в чем же состоит пресловутая загадка русской души. Но, вооружившись, во-первых, описанием человеческой психики *в целом*, которое дали Юнг и его последователи, а во-вторых, имеющимся мифологическим материалом восточных славян, мы можем совершить попытку сравнительного анализа и, как следствие, вычленим некоторые особые черты русской души. Ведь, как мы выяснили в «разговоре с инопланетным гостем», отличия в душевном строении различных этносов куда как более многообразны, нежели морфофизиологические особенности.

Кроме того, идентификациям «человек» и «индивидуальность» посвящено множество трудов, промежуточному же слою «этнос» в аналитической психологии – пока нет. Однако без этого знания нам нипочем не найти дорогу в Тридесатое царство – в сокровищницу коллективного, общечеловеческого бессознательного, где действительно имеется *всё для всех*, где каждый может выбрать ресурсы, необходимые для сотворения собственного Царства-государства, мирно сосуществующего со всем прочим миром на взаимовыгодных условиях. Ибо, как мы говорили выше, национальный пласт бессознательного являет собой промежуточную область, отделяющую индивидуальную душу от общечеловеческой. Проведение психоархеологических раскопок в этом слое души поможет нам отследить те самые национальные нормативные фильтры. А это, в свою очередь, даст возможность выбора, так как иные способы адаптации к внешнему миру перестанут восприниматься как единственно допустимые. Нам предстоит, так ска-

зять, «профильтоваться наоборот», влезть в игольное ушко, чтобы увидеть огромный мир внутри себя.

И это обязательное условие: чтобы вырасти, стать по-настоящему взрослой, самодостаточной, зрелой личностью, сначала нужно вновь стать маленьким.

Метафора уменьшения в размере очень многогранна.

Во-первых, она подразумевает отказ от атрибутов архетипа Персоны – набора социальных масок, подобранных с учетом ожидания окружающих. Пациент на приеме у психоаналитика на время перестает быть директором отдела продаж, матерью троих детей, старшим оперуполномоченным или младшим научным сотрудником. Он становится просто Таней или Ваней, Машей или Петей – совокупностью собственных телесных ощущений, чувств, желаний и потребностей, которые не распознать, пока не скинешь рабочий костюмчик, не сорвешь социальные маски, не выйдешь из заученных ролей. Этот процесс занимает в терапии, пожалуй, большую часть времени. Но именно в тот момент, когда человек редуцируется до своей истинной беспримесной сущности, до платоновского эйдоса, он может в полной мере ощутить свое бытие. Он приобретает способность остро чувствовать неповторимый вкус жизни со всем многообразием оттенков духовных и телесных проявлений...

А далее можно вновь становиться взрослым, выходить в большой мир, но уже понимая, что на самом деле ты хочешь и можешь в нем вершить. При этом мир становится намного больше и отчетливей. Человек расстается с близорукостью. Причем бывает, что это происходит не только на символическом, но и на телесном уровне. Тому, кто потерял необходимость не видеть ничего дальше собственного носа, очки становятся попросту не нужны. А путей удовлетворения потребностей, вместо одного-единственного, который прежде только и виделся глазам, поврежденным осколками колдовского зеркала, появляется великое множество. Вдруг оказывается, что сложить слово «вечность» из кусочков льда – вовсе не единственная возможность получить «новые коньки и целый мир в придачу». Взрослый человек коньки может купить, выменять, одолжить, да в конце концов украсть, но продавать за них душу Снежной королеве совсем не обязательно. Ларчики начинают открываться самым незатейливым способом. Выясняется, что лучшие невесты живут в родном селе, а царская дочь Ульянка, которая, оказывается, «хуже керосину», им и в подметки не годится. В прудах начинают водиться волшебные щуки, а лягушки превращаются в премудрых царевен. Очистив собственные потребности от плевел, начинаешь видеть простые и доступные способы их удовлетворения.

Один из моих достопамятных клиентов (который, к слову, и впрямь носил очки на «минус девять») при первом нашем знакомстве провозгласил своей главной насущной проблемой отказ руководства повысить его в должности. Несмотря на то что он давно и успешно работал, его в очередной раз обошел какой-то выскочка-новичок. «Уменьшившись» до своей сущностной сердцевины, он понял, что ему не нужна ни новая должность (с весьма небольшим повышением зарплаты, но с огромным расширением круга обязанностей), ни даже признание коллег и победа над конкурентами, ни одобрение жены, которая работает в этой же организации и каждый раз после его «провала» неделями ходит со страдальческим видом. Его, творца-одиночку по природе, совсем не прельщала бег наперегонки по карьерной лестнице, его идеальная работа вообще не предполагала присутствия коллег, а с супругой ему хотелось обсуждать отнюдь не рабочие вопросы. Через некоторое время после его «уменьшения» произошло «чудо» – ему предложили перейти в другую организацию, где предоставлялась возможность заниматься отдельным проектом по своей узкой специализации, то есть любимым делом, не требующим помощи коллектива, исключая любую конкуренцию, да к тому же с солидным повышением заработка. Ах да, зрение его как-то «само собой» улучшилось то ли на две, то ли даже на три диоптрии.

А еще стать маленьким – это вернуться в собственное детство, в ту эпоху нашего бытия, где закреплялись паттерны, формировались комплексы, а пустяковые, с точки зрения взрослого, огорчения оборачивались душевными увечьями на всю жизнь.

Так, однажды в моем кабинете появилась девушка, в облике которой только слепец не смог бы заметить явного противоречия. Со своей внешней статью она должна была бы быть либо успешной моделью, либо профессиональной спортсменкой – если бы не осанка восьмидесятилетней старухи, не втянутая голова в плечи, не одежда «мешком»... Так, бывает, выглядят жертвы изнасилования. Но, к счастью, ничего подобного в жизни той девушки не случилось. Напротив, она была невинна, как Спящая красавица накануне своего столетнего юбилея, – в том смысле, что к двадцати «с хвостиком» годам в ее жизни еще не случилось даже первого поцелуя. Собственно, с проблемой полного отсутствия отношений с мужчинами она ко мне и пришла.

Прошло несколько сеансов, на которых мы анализировали в основном ее отношения с обожжаемым на грани обожествления отцом, прежде чем я решилась задать вопрос, зачем же она так уродует собственную внешность. Да еще такую внешность, настоящий шедевр природы! И тут выяснилось, что она невероятно стыдится своего роста – метр восемьдесят пять. Сотни тысяч девиц отдали бы что угодно за такой рост! Но французы говорят «ищите женщину», а психоаналитики – «спрашивайте ребенка». Наша Спящая красавица вспомнила, что ее обожжаемый папа, на самом деле хороший человек и любящий родитель, как-то раз увидел свою дочь-второклассницу на стадионе во время урока физкультуры. Свое восхищение физической силой, грацией и ловкостью дочери он выразил весьма специфически: «Все девчонки как девчонки, а ты прямо скаковая лошадь среди них». Стоит ли удивляться, что после папиной «похвалы», в которой девочка не услышала ничего, кроме того, что ее обозвали «лошадью», она все детство и юность сгибалась в три погибели, лишь бы казаться пониже? Естественно, фантазия о собственном уродстве, при всей объективной красоте, да еще сдобренная идеализацией отца, на пушечный выстрел не подпускала к ней молодых людей.

«Уменьшение» до возраста второклассницы, где скрывалась травма, показало «вновь выросшей» девушке, что то «роковое» событие и яйца выеденного не стоило. Зрелые люди понимают: отнюдь не все то, что говорят родители, есть истина в последней инстанции; родители тоже иногда ошибаются, бывают неловки и бестактны. Но чтобы это понять и, что еще важнее, заново прожить некогда отщепленные от Сознания эмоции (а это обязательно для заживления травмы) – нужно уменьшиться до чувств и наивных выводов ребенка.

Идея о том, что нужно уменьшиться, прежде чем полноценно вырасти, находит отражение в огромном множестве мифов и сказок: от «Гулливера» и «Алисы в Стране чудес» до фольклорных произведений любого народа. В славянской же мифологии встречается еще один очень специфический сопутствующий мотив – герою нужно пролезть в ухо магического животного. Об уменьшении в этих сказках прямо не говорится, однако понятно, что, сохраняя человеческие размеры, совершить такое путешествие невозможно. Самые известные сказки с подобным сюжетом – это «Сивка-бурка» и «Крошечка Хаврошечка».

Если бы девушка из вышеописанной истории услышала сравнение с лошадью не на пороге подросткового возраста, а чуть раньше, лет этак в пять или шесть, когда душа ребенка, еще не успев обрасти шелухой Персоны, обладает естественной чуткой мудростью, она бы, скорей всего, испытала гордость от сравнения со сказочным Сивкой-буркой, Коньком-Горбунком или любым другим сильным, мудрым и храбрым спутником богатыря.

О коне (лошади) в целом как об одном из важнейших славянских символов (ведь мы наполовину потомки степных народов) более подробный разговор будет в следующих главах. Пока же нас интересует лишь упомянутый мотив пролезания в ухо к Сивке-бурке.

Разгадать символический смысл этого диковинного действия не так уж сложно. Удивительное имя коня уже дает нам ниточку, уцепившись за которую можно распутать весь мета-

форический клубок тайных смыслов. Сивка-бурка – две противоположные масти. Да и само слово «масть» в русском языке имеет два значения: это и цвет шерсти животного, и характерный признак, свойство.

«Сивый» означает белый, седой; этот цвет символизирует чистоту, свет, высоту духа, мудрость, разум, порядок – в общем, все атрибуты мира Прави. Правь в славянской мифологии – это и место (сфера обитания богов), и принцип (всеобщий закон справедливости, установленный прародителем всего живого, верховным богом Родом).

«Бурый» означает темно-коричневый, черный (не «вороной» как цвет ночи, пустоты, отсутствия света и, следовательно, порядка и добра, а цвет чернозема) – это цвет тайны, хаоса, в общем, всего того, что связано с царством Нави – потусторонним миром, властвует в котором темный бог Велес и его первая супруга Буря-Яга, богатырша Усоньша Виевна. Именно эта «нижняя» часть славянского мироздания символизирует сферу коллективного бессознательного – царство умерших предков, обитель архетипов, место, где живо все то, что когда-то было да кануло в Лету (точнее, в реку Смородину). Надо отметить, что в понимании славян Навь – это вовсе не ужасное, дьявольское место, где души умерших мучаются и страдают. Для мук есть Пекло грешников. Да и сама смерть в понимании славян, родственных скандинавам, верившим в посмертную Валгаллу, была вовсе не концом света, а лишь началом новой жизни, жизни в мире Нави. Причем загробный мир, пожалуй, рисовался нашим пращурам даже более спокойным местом, чем суетная Явь – мир смертных. Ведь в Нави больше нет боли и страданий; там люди, исполнившие свое предназначение в Явном мире, могут наконец отдохнуть. У славян существовал даже особый праздник – Навий День, который отмечался по разным данным то ли 29 апреля, то ли 1 марта. В этот день язычники навещали могилы предков, совершали тризну, приносили дары почившим родственникам.

Сивка-бурка как раз и достается Ивану от покойного отца, могилу которого он, единственный из всех сыновей, не побоялся навещать по ночам. Дело в том, что в языческой традиции считалось обязательным кормить покойников в течение трех дней после смерти, пока они не перейдут в мир иной, чтобы у них были силы на дальнюю дорогу. В сказке рассказывается об этом так:

На третью ночь старик сказал Ивану: «Один ты из сыновей исполнил мой наказ, не испугался три ночи кряду на могилу ко мне ходить. Выйди в чистое поле и крикни: «Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» Конь к тебе прибежит, ты залезь ему в правое ухо, а вылезь в левое. Станешь куда какой молодец».

У славян, как, впрочем, и у многих других народов, конь часто играл роль жертвенного животного на похоронах знатных воинов. Получается, что покойный отец награждает Ивана за смелость даже не просто конем как атрибутом витязя, а таким конем, который в свое время служил и ему самому, и его деду, и прадеду, умирая и возрождаясь. То есть Сивка-бурка – обитатель Нави, архетипическая сила и мудрость целого рода. Он и является Ивану в поистине демоническом виде – в дыму и пламени: *«Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет».*

Таким образом, волшебный помощник, доставшийся Ивану, является психопомпом⁵. Он соединяет разум, порядок и высокий дух Прави с архетипической мудростью и интуицией Нави. Вот какой подарок получает младший сын за свою храбрость!

Но волшебный помощник – не только сивый и бурый, он еще и «каурый». Эта масть означает красный цвет, цвет огня, крови, Солнца, самой жизни, то есть третью сторону славянского

⁵ *Психопомп* в дословном переводе с греческого означает «проводник душ». Это существо (дух, ангел, божество – например, Гермес), которое является глашатаем богов или посредником между богами-небожителями и подземными божествами, а также между богами и людьми. В аналитической психологии «психопомпами» именуется посредники между бессознательной и сознательной сферами души. Таким образом, это может быть и сам аналитик, и некая функция психики, а также образ из сновидения. В тотемных культурах роль психопомпа выполняют шаманы, в языческих – жрецы и волхвы.

мироздания – Явь. Явный мир – мир, освещенный Красным Солнышком, мир человеческий, реальный, вещественный, тот, который боги явили людям. Выражение «вещая каурка» раскрывает еще один важный смысл. «Вещий» означает умудренный опытом, обладающий тайным знанием, а также даром провидения. И все эти сокровенные способности Сивка-бурка являет Ивану наяву – в Яви.

Однако для того чтобы воспользоваться чудесными способностями коня и приручить волшебного помощника, Ивану, как мы помним, предстоит совершить магический ритуал – влезть Сивке в правое ухо и вылезти из левого. И тогда превратится он из «дурачка» в «доброе молодца». Направление движения – справа налево – уточняется тоже не зря. В сказках, в отличие от более развернутых литературных форм – мифов, легенд и былин, – архетипический материал подается в концентрированном виде, поэтому ни одно слово здесь не бывает случайным. «Левый» имеет значение «неправильный», «поперешный», «потусторонний», то есть опять же связанный с миром Нави. Оказавшись в потустороннем мире, уменьшившийся Иван обретает доступ к сокровищам предков.

В этом месте я не могу не провести параллель с английской Алисой, которая то провалится под землю, то пройдет сквозь зеркало, чтобы оказаться в «мире антиподов», где все вывернуто наизнанку, все задом наперед, однако от этого только «все чудесатее и чудесатее». Там можно останавливать время, разговаривать с котом, можно стать настоящим рыцарем, а можно и самой королевой!

Славянскому же герою предстоит еще более диковинное путешествие. Пролететь через ухо значит очутиться внутри головы волшебного помощника. Причем именно через ухо, а не через рот, иначе герой оказался бы в чреве коня, а это была бы уже совсем иная символика – метафора поглощения, порабощения бессознательным содержанием. Этот мотив тоже часто встречается в сказках и мифах, когда героя пожирает чудовище – рыба Кит или Змей Горыныч, символ Материнского комплекса, о котором речь пойдет в соответствующей главе. Но Ивану предстоит оказаться именно в голове Сивки-бурки.

Выражение «влезть кому-то в голову» означает узнать чужие мысли, выведать секреты, постичь чужую мудрость. Голова является символом мысли и духовной жизни. Платон в диалоге «Тимей»⁶ утверждает, что «человеческая голова является образом целого мира». В то же время череп еще со времен палеолита рассматривается как вместилище души и наделяется особой ритуальной ценностью. У скандинавов, с которыми у славян еще и в дорюриковские времена происходило культурное смешение, череп почитался в качестве средоточия священной силы, защищающей человека от злых чар. А самой сокрушительной победой над недругом считалось не просто убить его, но и завладеть головой после смерти – сделать кубок из его черепа, чтобы пить вражью силу и мудрость.

Таким образом, пролезая сквозь голову своего волшебного помощника, Иван обретает духовную зрелость, мудрость и интуицию, покровительство предков и защиту от злых сил.

Как мы можем соотнести анализ сказки о Сивке-бурке с нашей реальной жизнью в XXI веке? Что ценного можем вынести для себя, чему научиться?

Иван, почитаемый в семье дурачком, единственный исполняет отцовскую волю, лишь он один не боится ходить ночью на кладбище. А чего же, собственно, испугались «умные» братья? Почему не захотели уважить покойника? Дело здесь вовсе не в суеверном страхе, а в том, что кормить хлебом умершего – это языческий ритуал и, следовательно, нарушение православного канона.

Здесь важно понимать, что крестьянский люд (впрочем, как и воины, и посадские, и горожане) не особенно разбирался в богословских вопросах, о чем говорит еще Лев Гуми-

⁶ «Тимей» – один из важнейших трактатов Платона, написанный в форме диалога и посвященный космологии, физике и биологии. Создан ок. 360 г. до н. э.

лев⁸. Православие было не столько вероисповеданием, сколько индикатором принадлежности к «своим» – к определенному стереотипу поведения, пониманию норм и ценностей, соблюдению правил, касающихся не столько вопросов веры (в которых, подчеркну еще раз, мало кто, кроме священнослужителей, разбирался тогда, да и разбирается сейчас), сколько обычной рутинной жизни.

Таким образом, Иван оказывается дурачком в весьма хорошем смысле слова, если можно так сказать. Он не задумывается о том, правильно или неправильно с точки зрения коллективной Персоны (общепринятого мнения) будет исполнить волю отца, а просто действует по зову сердца. И архаическая часть его души, где царствует интуиция вместо логики, где вместо мнений и умозаключений живет знание, не нуждающееся ни в каких умозрительных доказательствах, приводит Ивана к обладанию настоящим сокровищем.

Мне и самой случалось по меньшей мере раз десять очень кстати оказаться «дурочкой». Например, несколько лет назад, когда я жила еще в Екатеринбурге, мы с подругой открыли небольшой бизнес – свой психологический центр. Причем для «нормального», в общем понимании, стартапа средств у нас практически не было, и если бы мы хоть немного разбирались в финансовых вопросах, у нас бы наверняка ничего не получилось. Через несколько месяцев после нашего открытия одно из областных деловых изданий пожелало взять у меня интервью. Главным вопросом, который их интересовал, было: «Как же вы решились основать бизнес с нуля на пике общероссийского финансового кризиса 2008 года?» На что я абсолютно честно ответила, что ни о каком кризисе просто знать не знала, разве лишь слышала что-то такое мельком, но вдаваться в детали было некогда – была слишком занята самим делом. Надо ли говорить, что интервью не опубликовали, так как вместо «акулы бизнеса» перед журналистами предстала «полная дура, которой просто повезло».

Чем бы мы ни решили заняться, какую бы сферу своей жизни ни захотели изменить, будь то семья, работа, творческий проект, всегда найдутся «умные братья», которые будут «крутить нам пальцем у виска». И если мы будем слушать их, пренебрегая интуицией и знанием, а вернее сказать, безошибочным чутьем своей языческой души, то на пороге собственного перехода в Навий мир нам будет нечего вспомнить, кроме упущенных возможностей; нам будет нечего оставить в Явном мире, нечего передать своим детям.

На этом нам бы и закончить разговор о пользе, которую мы можем извлечь из идеи символического «уменьшения». Однако, думаю, не даром «леший дернул» меня упомянуть выше еще одну сказку со схожим мотивом – «Крошечку-Хаврошечку».

В этой сказке девочке-сиротке, над которой изгаляется мачеха, помогает волшебная Коровушка-Буренушка, доставшаяся ей в наследство от покойной матушки. В большинстве вариантов сказки Буренушка в конце концов и оказывается покойной мамой Крошечки. Когда злодейка-мачеха задавала девочке непосильную работу, чтобы поскорее сжить падчерицу со свету, Хаврошечка просто влезала корове в правое ухо, а как только вылезала из левого, вся работа чудесным образом была сделана. Одним словом, в этой сказке прослеживаются все те же архетипические следы, что и в «Сивке-бурке»: дар покойных предков, то же путешествие справа налево через ухо животного, намек на принадлежность коровы одновременно к двум разным мирам (согласно имени, она имеет бурую масть, но в сказке говорится о том, что она белая).

Однако это более «женский» вариант сказки. И дело даже не в том, что главный герой повествования девочка, а в различии символики животных-помощников. Как существо, дающее молоко, корова – интернациональный символ материнства, плодородия, вскармливания и изобилия. Кроме того, она имеет изогнутые в форме полумесяца рога, а это небесный знак всех богинь-матерей, равно как и хтоническое олицетворение Матери Земли.

Чур меня пуститься сейчас в подробное описание архетипа Великой Матери! Хотя, сказать по правде, и руки чешутся, и душа горит, но в этой главе такой поворот был бы крайне

преждевременным. Поэтому остановимся лишь на том, что у несчастной сиротки, жизнь которой состоит в Яви из сплошных мучений да издевательств мачехи, а заключаются они в непосильной для маленькой девочки работе, нет никакого иного выхода, кроме как опираться на архетипическую мать в собственной душе, попадая через ухо коровы в Навий мир.

Здесь необходимо напомнить: анализируя сказочный материал, важно понимать, что все персонажи, как главные, так и второстепенные, равно как и неодушевленные объекты или абстрактные понятия, представляют собой психические функции, активизированные архетипы или комплексы одного и того же человека. Явь и Навь одновременно находятся в нашей душе. А родная мать и злобная мачеха – лишь два противоположных полюса Материнского комплекса.

В отличие от Сивки-бурки, Коровушка-Буренушка в сказке умирает. И только уже после этой вторичной и окончательной смерти родной доброй матери Крошечка избавляется от мачехи (матери злой), становится взрослой девушкой, выходит замуж за царевича.

Таким образом, метафора пролезания в ухо животного говорит нам в этой сказке несколько о другом. Невозможно стать взрослой, зрелой, самостоятельной личностью, пока ты ищешь опору во внутреннем родителе, бессознательно пытаешься даже во взрослом возрасте соответствовать родительской фантазии о «хорошем» ребенке. И каждый раз, когда мы понимаем собственное «несоответствие идеалу», в душе активизируется «злая мачеха», наказывающая чувством вины и ощущением собственной ущербности.

В таких случаях родная мать превращается в ту самую мачеху, которая говорит: «Мне не нужен такой ребенок, отныне ты сирота!» Но и чрезмерно щедрая, избыточно опекающая, «перекармливающая» мать, одержимая своей ролью, готовая переделать всю работу, решить все проблемы за своих «крошечек», – не менее ужасна. Она никогда не позволит детям вырасти, стать самостоятельными, опираться на собственные решения.

Поэтому метафора уменьшения здесь будет отказом от груза интроекций – тех мнений о самом себе, тех самоопределений, которые ошибочно воспринимаются как свои собственные, на деле же оказываются бессознательным присвоением чужих идей, взглядов и суждений. Чаще всего этими «чужими» становятся как раз самые родные, самые значимые люди – собственные родители. Русская пословица гласит: «Назови ребенка сто раз свиньей, он и захрюкает». Героиню сказки недаром зовут Хаврошечкой: это имя, искаженное от греческого Февронья («Лучезарная»), означает «хрюшка, свинья, грязнуля». Грязь, что покрывает тело лучезарной девочки Февроньи, превращая ее в Хавронью, означает в этом случае психологические воздействия окружающей среды, которые пачкают и искажают подлинную природу.

Пролететь в ухо Коровушке-Буренушке – значит объединить белый и черный полюса комплекса, соединить в своей душе маму «хорошую» с мамой «плохой». И тогда реальная мама становится просто родным человеком, заслуживающим право на ошибку и прощение. А вновь выросший человек перестает быть «горюшком луковым» хорошей мамы и «свиньей» мамы плохой. Он становится своим собственным. Он обретает огромную свободу, так как вместо маминых советов, наказов, а то и требований с угрозами, отныне может руководствоваться безошибочным чутьем своей собственной души.

Как же обрести это чутье, как научиться слышать древнюю языческую душу? На самом деле она ни на минуту и не смолкала, просто ее голос затерялся в гвалте общественных мнений. Чтобы вновь обрести слух, нужно поснимать с себя чужую одежду, эти оболочки Персоны, уменьшиться до своего собственного естественного размера. Для этого я даю своим клиентам простое упражнение. Я спрашиваю: «Какие ваши желания, мнения, ценности, воззрения нужно отбросить, чтобы влезть в ухо Сивке-бурке? Какие, напротив, нужно всенепременно прихватить с собой? Без чего вы уже не вы?»

Вот лишь несколько примеров из практики.

– С уверенностью в том, что вы, сорокалетний мужчина – «мамино горюшко луковое», вам влезть коню в ухо?

– Нет.

– А с идеей о том, что на новом месте у вас все получится превосходным образом, несмотря на то что работа новая, а маминой опеки не будет?

– Да.

– С верой в то, что вы без поддержки мужа сами ни на что не способны, возможно влезть в голову Сивке?

– Нет.

– А с уверенностью, что вы и недели без шопинга на мужнины деньги не проживете?

– Нет.

– Желание разорвать брак и строить новую жизнь вы сможете взять с собой?

– Да.

– С верой в то, что ваша жизнь зависит от мнения врачей, вас пустит Сивка-бурка?

– Нет.

– А с верой в то, что у вашего мудрого тела есть все ресурсы справиться с экземой?

– Да.

– Будучи женой господина N или же супругой товарища X, вы сможете совершить путешествие в голову коня?

– Ни того, ни другого.

– В роли менеджера или же в роли свободного фотографа вы попадете в ухо Сивке-бурке?

– Только фотографа.

Эти ответы приходят не в виде умозаключений, их не нужно подвергать логическому анализу, расписывая на листочке «плюсы» и «минусы». Над такими листочками люди, как правило, просиживают годы. Если же слишком долго составлять черновик или стратегический план собственной жизни, есть риск, что жизнь настоящая пройдет стороной. Самые важные и честные ответы приходят в виде чувства, порыва, эмоции, над-логического древнего чутья, которое много старше, мудрее и опытнее вечно сомневающегося сознания.

• **Итак, какие ваши желания, мнения, ценности, воззрения нужно отбросить, чтобы влезть в ухо Сивке-бурке? Какие, напротив, нужно всенепременно прихватить с собой? Без чего вы уже не вы?**

Если вы смогли ответить на эти вопросы, значит, вам уже удалось уменьшиться до тех размеров, что позволяют пролезть в ухо Сивке-бурке. А следовательно, мы уже стоим на пороге путешествия в Тридесатое царство, и нам пора отправляться в путь.

3

Комплекс. Камень на распутье

Почему Ивану Царевичу повезло больше, чем Гераклу?

По дороге в Тридесатое царство сказочного героя, как водится, поджидает множество опасностей. Так и нам в пути предстоит встретить немало архетипических чудовищ. Они представляют собой комплексы национального масштаба. Безусловно, имеются в виду комплексы не во фрейдистском понимании (как нечто однозначно патологическое и подлежащее искоренению) и не в общечеловеческом (как недостаток, слабое место), а в юнгианском – как совершенно нормальное, хотя и весьма болезненное явление.

Согласно Юнгу, комплексы – это эмоционально заряженные группы идей или образов, сконцентрированные вокруг архетипической сердцевины. Это та область, где Эго потерпело когда-то сокрушительный провал. Приближение к этому темному месту всегда характеризуется особым эмоциональным всплеском, сверхсильными переживаниями и нетипичными поведенческими реакциями, вне зависимости от того, сознает это человек или нет. Помните, как в сказках у богатырского коня при приближении к логову Бабы-Яги начинают подкашиваться ноги?

Комплексы – это автономные мирки внутри целостной психики, лишённые контроля со стороны разума. В потаенных, недоступных уголках души они ведут особого рода существование, откуда могут препятствовать или же содействовать Эго.

Логовище Бабы-Яги – ужасающее место, ни один нормальный человек туда по собственной воле не сунется, однако Герой⁷ по определению ненормален, его же «как у всех» не устраивает, ему личное счастье подавай и целостность душевную в придачу. А это дорогого стоит! Придется, преодолевая страх и отвращение, не только к Яге в Избушку войти, но еще и в баньке с нею вместе попариться.

Если герой справится с аффектом, не забудет от ужаса, зачем пожаловал, соблюдет положенные ритуалы, отважится вкусить в Избушке сакральной пищи за душевным разговором с ведьмой, выглядящей как сама смерть, при этом почитая ее могущество, мудрость и силу, он будет щедро одарен, получит от Яги новые сокровенные знания и драгоценные волшебные подарки, которые значительно облегчат дальнейший путь к воцарению-восамлению.

Если же герой не справится с отвращением, ужасом и стыдом – будет попросту сожран. Нечего тогда было и соваться к Избушке на курьих ножках! Пожирание Бабой-Ягой в переводе с символического языка на внутриспсихический будет означать отождествление с комплексом, процесс поглощения Эго, его порабощение комплексом и воцарение вместо него на престоле сознания. Внешне это проявляется в одержимости какой-либо идеей, в неустанном следовании одному и тому же сценарию при полном отвержении настоящих личных интересов.

Один из наиболее наглядных примеров – комплекс жертвы. Наверное, каждый вспомнит какую-нибудь знакомую или знакомую знакомых, которая, избавившись от мужа-садиста, наконец-то севшего в тюрьму, выйдет замуж за наркомана, будет спасать его, несмотря на побои, унижения и воровство из собственного дома. А когда тот представится от передозировки – сойдется с алкоголиком. Причем, даже если в момент их знакомства он спиртного и в рот не брал, в совместной жизни он предоставит ей, а вернее сказать, ее комплексу, столь возжеленную возможность пострадать. На старости же лет этой женщины данную «священную обязанность» возьмет на себя ее сын.

⁷ Далее в книге вы будете встречать два варианта написания слова *герой*: написанное с заглавной буквы, оно будет означать одноименный архетип, выделенный Юнгом, а со строчной – «героя» в общепринятом смысле, т. е. главное действующее лицо повествования.

Говоря об идентификации с комплексом в контексте нашей темы, просто невозможно пройти мимо примера общенационального масштаба. Образчиком поглощения Эго чужеродной структурой с последующей полной узурпацией Сознания⁸ является Октябрьская революция. На рубеже XIX и XX столетий, как мы помним из истории, в России появилось множество политических кружков, которые поначалу лишь тайно, прячась в подпольях, грезил о свержении существовавшего государственного строя, захвате власти и установлении своей диктатуры, – ну чем не происки нечистой силы, прячущейся по лесам и болотам?

Однако Эго-сознание, персонифицированное в государственной власти, предпочитало не замечать внутренний «нечистый дух» даже после многочисленных терактов. Как это часто происходит и в индивидуальной, и в коллективной психике, враг был спроецирован на внешний объект. Вместо того чтобы разбираться с внутринациональными проблемами, Империя вступила в чужую войну, в результате чего наиболее окрепший комплекс пожрал ее изнутри, искалечив на многие годы и перевернув все смыслы с ног на голову: «Кто был ничем, тот станет всем» – помните? К слову, нечистая сила, с виду похожая на обыкновенных людей, обязательно имеет в своем облике что-то *поперешное*. Это и дает внимательному человеку возможность смекнуть, что что-то здесь нечисто. Например, у лешего и домового перепутана обувь: правый лапоть надет на левую ногу, левый – на правую, кафтан запахнут на левую сторону, рубаха вывернута наизнанку.

Однако боже меня упаси рассуждать на тему того, как должно было поступать Николаю II, и фантазировать о том, имелся ли вообще какой-то идеальный выход! Это была бы лоханкинщина несусветных масштабов и немыслимой глупости. Комплекс на то и комплекс, чтобы содержать в себе неразрешимый для действующей Эго-установки конфликт, полярные противоположности, шок, несовместимость. Для ослабшего Эго это всегда «казнить нельзя помиловать». Действительно нельзя! Начать массовые расстрелы в и без того накаленной до предела обстановке – это однозначная провокация бунтов; закрыть же глаза, пытаться делать вид, что Яга, Кощей и большевики безвредны – позволить им набрать силу и подставить себя под удар.

И тем не менее, как особо подчеркивает Юнг, комплексы сами по себе не представляют ничего отрицательного, но негативными зачастую оказываются следствия их деятельности (сам по себе марксизм – всего лишь иная точка зрения на политическое устройство, содержащая, безусловно, и множество рациональных зерен).

Более того, психике комплексы необходимы: заключая в себе противоположные полюсы, именно они являются источником энергии, первопричиной всех человеческих эмоций, которые и возникают только на разнице потенциалов. Таким образом, комплекс работает аналогично электрической цепи, где положительный и отрицательный заряды обеспечивают возникновение тока.

До тех пор пока Сознание не испытывает недостатка, богатырь лежит на печи: ему нет нужды направлять внимание в глубины бессознательного, где накопились избытки энергии. В этот период его комплексы являются основополагающими центрами душевной жизни, строительными блоками психического. Без них нельзя обойтись, в противном случае душевная деятельность приходит к чревату последствиями застою. Только некое препятствие, потрясение, шок способны поднять богатыря с печи, вывести из зоны привычного комфорта, а иначе он умрет от пролежней, перешедших в гангрену. Поэтому комплекс – это также и стимул к великим устремлениям, новая и, вполне вероятно, единственная возможность трансформации.

Неневротики и нетравматики лидерами не бывают. Комплекс – это та область, где Эго когда-то потерпело сокрушительное поражение, это саднящая и кровоточащая рана, которая до конца не заживет никогда, но будет вечным стимулом и провокатором к действию; она не

⁸ Слово «сознание» в данной работе далее будет встречаться в двух вариантах написания: с заглавной буквы – как обозначение архетипа и со строчной – в общепринятом смысле.

затянется и шрамом, пока Эго не преодолеет невротический конфликт, не найдет трансцендентную⁹, ранее неведомую область между двумя полюсами-антагонистами. Поэтому Юнг и говорит о том, что лишь раненый целитель исцеляет. Аналитик может помочь пациенту только в той области, где у него самого имеется шрам от некогда зиявшей раны.

Хочу сделать необходимую, как мне кажется, ремарку и попросить у читателя прощения за то, что я порой столь детально углубляюсь в описание некоторых феноменов, отступая от основной темы повествования. Признаюсь, мне и самой весьма нелегко выйти на ровный путь к Тридесатому царству.

Трудность заключается в том, что я сама, как носитель славянского архетипического наследия, являюсь одновременно и наблюдателем, и наблюдаемым. Поэтому в процессе написания этой книги мною часто овладевает чувство, будто меня, как говорили наши предки, «леший кружит». Отказаться следовать этой дорожке в угоду четкому плану было бы, пожалуй, равносильно отказу вообще пускаться в путешествие. А это значит, что нам остается довериться лешему до поры до времени. Тем более, как только человек понимает, что зашел от главной дороги совсем уж далеко, ему всего-навсего достаточно сесть на первую попавшуюся корягу и вымолвить: «Шел, нашел, потерял», и в ту же минуту леший сгинет со словами: «А, проклятый, догадался!»

Так что вернемся еще раз ненадолго на обходную тропку. Объяснив природу и смысл комплекса, как в индивидуальном, так и в этническом масштабе, конечно, нужно понять и причины его возникновения. В основе комплекса всегда лежит некое первоначальное событие, какая-то надличностная сердцевина, обладающая мощнейшей энергией. Комплекс появляется в результате травмы – поражения Эго, которое при столкновении с требованиями некой новой действительности не сумело адаптироваться, проявить новые свойства, чаще всего из-за того, что требования явились преждевременными для него на каком-то из ранних этапов развития. Так комплекс становится для нас диагностически ценным явлением.

Чтобы распечатать ячейку памяти пациента и найти корни травматического события, аналитик использует его сны и фантазии, в которых комплекс и проявляет свою двойственную сущность. С этнической (коллективной, социальной) памятью дело обстоит, как это ни парадоксально, даже проще. Она проявляется в передающихся из поколения в поколение исторических сообщениях, мифах, сказаниях, поверьях. Мифы, в точности как и сновидения, – это продукты фантазии, только не одного человека, а целых народов.

Многие аналитики-юнгианцы описывают феномен мифа через метафору коллективного сна. Впервые идея о том, что основные мифологические и фольклорные мотивы возникают из снов, была выдвинута этнологом Л. Лейстнером задолго до появления аналитической психологии. Ученый связывал это с тем, что рассматривать сновидение как реальный опыт было типичной особенностью первобытного поведения: «Например, увидев себя во сне на небесах разговаривающим с орлом, первобытный человек на следующее утро имел все основания рассказывать об этом как о действительном событии, не ссылаясь на то, что это было во сне»¹⁰

⁹ Трансцендентный – лежащий за пределами опыта, недоступный познанию, непостижимый для разума; запредельный. Трансцендентная функция представляет связь между реальными и воображаемыми или рациональными и иррациональными данными, перекидывая тем самым мост через пропасть между сознанием и бессознательным. Юнг рассматривал трансцендентную функцию как наиболее значимый фактор в психологическом процессе. Он подчеркивал, что она появляется в результате конфликта между противоположностями, но не задавался вопросом, почему это происходит, сосредоточиваясь вместо этого на вопросе зачем. Он полагал, что на этот вопрос можно скорее ответить на языке психологии, нежели с помощью понятий религии или метафизики. Трансцендентная функция является существенным компонентом саморегуляции психического. Проявляясь по большей части символически, она переживается как новая установка к жизни и к своему носителю (*Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии... С. 223–225*)⁹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.